Российская история. 2013-2023

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

Все права защищены

Выпуск 3 Том . 2020

Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт в 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици

Кузьминых Александр Леонидович

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Российская Федерация, Вологда

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 24.06.2020

Ссылка для цитирования:

Кузьминых А. Л. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт в 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици // Российская история. – 2020. – Выпуск 3 С. 198-202 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870010157-3-1/>. DOI: 10.31857/S086956870010157-3

¹ Исследователей Второй мировой войны, наверное, трудно удивить новыми изданиями по истории этого глобального вооружённого конфликта. Ежегодно полки книжных магазинов и библиотек пополняются журналами, монографиями, сборниками документов, мемуарами, раскрывающими всевозможные аспекты военной эпохи. В массе своей это типовые и ординарные книги, но среди них порой встречаются уникальные издания, которые интересуют не только профессионального историка, но и неискушённого читателя.

² В 2018 г. издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге опубликовало дневниковые записи и письма генерала Готхарда Хейнрици, принимавшего участие в боях Первой и Второй мировых войн на Западном и

Восточном фронте. Он прошёл долгий боевой путь, командуя сначала дивизией, затем корпусом, армией и группой армий на территории Франции, Польши, Белоруссии, Украины, Центральной России, Венгрии, Словакии, Германии. Заработав репутацию мастера оборонительной тактики, неоднократно представлялся к высшим наградам Третьего рейха и закончил карьеру после взятия Берлина советскими войсками.

³ Впервые дневники Хейнрици были опубликованы в Германии в 2001 г. и сразу привлекли к себе внимание. Откровенные и подробные свидетельства генерала показывают масштаб событий и драматизм военных будней глазами участника военных операций на советско-германском фронте. А то, что дневник писался в разгар боёв, выгодно отличает его от германской послевоенной мемуаристики, несущей на себе отпечаток самоцензуры и самооправдания.

⁴ Книга содержит блестящее предисловие и тщательно выверенные комментарии, подготовленные О.И. Бэйдой и И.Р. Петровым. В них подробно раскрываются особенности мемуаров германских военачальников как исторического источника, жизненный путь и военная карьера Г. Хейнрици. Не меньший интерес представляет переведённое на русский язык предисловие к немецкому изданию, которое подготовил профессор Й. Хюртер. Академически строгое по форме, оно вводит читателя в проблемно-тематическое поле дневников, реконструирует личность их автора.

⁵ Вошедшие в книгу тексты можно условно разделить на три вида: письма супруге, отчёты семье, дневниковые записи. Хронологически они охватывают период с января 1915 до мая 1945 г., т.е. более 30 лет (записи до июня 1940 г. и после июля 1942 г. вынесены в отдельные приложения). Поражение Германии в Первой мировой войне, политический кризис Веймарской республики и приход к власти нацистов, становление гитлеровской диктатуры, начало Второй мировой, сражения под Сталинградом и на Курской дуге, падение Берлина – вот событийный фон, на котором разворачиваются описываемые события. Наиболее подробно записи освещают сложный этап, ставший переломным в карьере Хейнрици: с сентября 1940 по июнь 1942 г. – подготовка операции «Барбаросса» и вторжение в Советский Союз, битва за Москву и отступление немецких войск.

⁶ Дневниковые записи содержат подробное описание театра и хода военных действий, общий анализ стратегической обстановки на советско-германском и других фронтах Второй мировой, а также размышления по поводу происходящего. В результате получается объёмная и многоаспектная картина военной действительности, сочетающая анализ событий на микро- и макроуровнях, где сухое изложение фактов дополняется эмоциональными оценками происходящего, хода и перспектив войны, побед и поражений вермахта. Здесь и окопная правда солдатских мемуаров, и взгляд опытного стратега.

⁷ На восприятие событий большое влияние оказали происхождение автора (сын пастора и внук офицера-аристократа), его религиозность (протестант) и темперамент (пессимист со склонностью к саморефлексии). Для Хейнрици было характерно сочувствие национал-социалистической идеологии, хотя он не состоял в НСДАП. Приход нацистов к власти офицер воспринял как путь к национальному

возрождению, восстановлению великой Германской империи. Он был воодушевлён политическими и военными успехами Гитлера, его харизмой и способностью вести за собой массы, оправдывал антисемитские мероприятия, агрессивную политику в Европе, колонизацию завоёванных территорий.

⁸ Вплоть до краха Третьего рейха Хейнрици участвовал в действиях гитлеровской военной машины, выполняя преступные приказы фюрера. Однако ход войны вносил коррективы в его мировоззрение и мироощущение. Дневник наглядно демонстрирует эволюцию сознания генерала, эрозию его прежних убеждений и представлений. Восторженное отношение к Гитлеру постепенно сменялось скепсисом в отношении сначала отдельных его решений, а затем теории и практики расово-идеологической войны на уничтожение. В самом конце войны генерал, понимая бессмысленность сопротивления, отказался выполнять приказы начальника штаба Верховного командования вермахта В. Кейтеля. Это решение стало закономерным итогом сложного внутреннего конфликта между требованиями воинской присяги и голосом совести и разума.

⁹ Тональность дневника при описании военной кампании в Европе и похода на СССР существенно различается. Если пребывание во Франции воспринималось почти как курортный отдых, то бои на Востоке – как крошечный ад и невероятные испытания. Лишь изредка изображение суровых реалий войны сменялось описанием природы, когда автор использовал высокий стиль, созерцая красоту местных ландшафтов (с. 125). Местами он позволял себе и лирические отступления, в особенности, когда речь заходила о родном доме.

¹⁰ Хейнрици предстаёт как опытный командир, который знает толк не только в штабных картах. Он стремится быть на передовой, чувствует настроения и запросы солдат, пытается улучшить снабжение и быт вверенных ему подразделений. Чувствуя колоссальную ответственность, постоянно лавирует между приказами высшего командования и необходимостью сохранить свой корпус, а затем и армию в ожесточённых боях. Генерал благодарен солдатам, которые стойко переносят лишения и, несмотря на тяжесть боёв и фронтового быта, чётко выполняют приказы своего командира. В целом записки героизируют и идеализируют образ немецкого солдата.

¹¹ Что касается противника, то советский солдат гораздо более сильный, чем французский: предельно выносливый, хитрый и коварный, сражающийся с «фанатичным упорством» (с. 62, 73). Высоко оценивая артиллерию и авиацию противника, Хейнрици указывает на низкое качество пехотных частей, которые были укомплектованы необученными новобранцами и несли чудовищные потери.

¹² Записки воссоздают картину гуманитарной катастрофы на территориях, охваченных войной: дороги, забитые остовами сожжённых автомобилей и разлагающимися трупами лошадей, огромные массы военнопленных и беженцев, бредущие в никуда. Несмотря на ликование немецкой пропаганды, воспевавшей военные успехи вермахта, в начале августа 1941 г. у Хейнрици появились первые сомнения в скором окончании войны, мысли о недооценке противника. Стремительное наступление по мере приближения к Москве превратилось в «медленное ковыляние». В планомерной работе германской военной машины всё

чаще случались сбои: пилоты Люфтваффе бомбили своих, возникали проблемы со снабжением, падал боевой дух солдат, росли боевые потери.

¹³ С методичной регулярностью Хейнрици фиксировал погодные условия, видя в них то благоприятный прогноз для действий войск, то тревожное предзнаменование будущей катастрофы. По мере приближения континентальной зимы его охватывало чувство беспокойства за судьбу вверенных ему частей и военной кампании на Востоке. «На защиту России встала природа», – писал он 23 октября, когда его передовые части находились в 70 км от Москвы, увязнув в непролазной осенней грязи (с. 107).

¹⁴ С декабря 1941 г. тональность записей резко изменилась. Начавшееся контрнаступление советских войск под Москвой и зима со снегопадами, метелями и 30-градусными морозами нанесли колоссальный удар по противнику. Вермахт нёс массовые потери убитыми, ранеными, обмороженными (с. 122–123, 151, 184). Всё нагляднее проявлялась деморализация: участились случаи самовольного оставления позиций и членовредительства, типичным явлением стала вшивость. Самого автора на фоне физического и нервного истощения мучил «ужасный понос», который он лечил опиумом (с. 161). Отступающие, обескровленные в боях немецкие войска Хейнрици сравнил с наполеоновской армией (с. 160, 164).

¹⁵ В критические минуты автор всё чаще вспоминал о Боге, чувствуя себя «пловцом, которому связали руки и ноги и швырнули в воду» (с. 181). После поражений под Сталинградом и Курском, когда гитлеровский военный блок затрещал по швам, он сетовал на то, что «все беспредельно ненавидят нас», а «немецкий народ ждут лишь позор и возмездие» (с. 301). К концу войны записи стали более редкими и скудными, а оценки перспектив – всё безрадостнее.

¹⁶ Представляют интерес впечатления немецкого генерала о жизни населения на оккупированных территориях. Русский быт Хейнрици рисует самыми мрачными красками: города и сёла – «грязные дыры», где царит тотальная бедность, храмы разрушены, жилища и их обстановка крайне невзрачны (с. 68, 74). «Дикость» и «варварство», пожалуй, самые распространённые оценочные категории, употребляемые автором в отношении материальной и духовной культуры в «покинутой Богом стране». Советская Россия явно воспринималась им в контексте нацистских догматов о цивилизационной отсталости восточных славян. Однако высокомерное отношение к местному населению в первые недели и месяцы восточного похода постепенно уступило место робким попыткам понять «русскую душу» и характер русского народа, о чём свидетельствует чтение произведений Л.Н. Толстого и Н.С. Лескова.

¹⁷ Привлекают внимание размышления о природе и масштабах коллаборационизма среди советских граждан. Отмечая значительный размах сотрудничества мирного населения с оккупационными властями, генерал объясняет его антисталинскими настроениями, вызванными репрессиями, насильственной коллективизацией и гонениями на церковь. Рассчитывая на скорое крушение Советского государства под влиянием возрастающих тягот войны, он с огорчением констатировал нарастающую силу сопротивления, вовлечение в его ряды широких народных масс.

¹⁸ Дневниковые записи содержат многочисленные примеры ожесточённой борьбы с партизанами, жертвами которой, как правило, становилось гражданское население. Расширение партизанского движения вызывало бессильную ярость генерала. Он недоумевал по поводу «варварских» методов партизанской войны, наносившей всё возрастающий материальный и моральный урон немецким войскам. Упоминаются казни партизан, причём в них участвовали подчинённые генерала, в том числе его личный переводчик лейтенант Г. Бейтельшпахер (с. 126).

¹⁹ В отдельных случаях попрание законов и обычаев войны, установленных международными конвенциями, вызывало осуждение генерала. В частности, его ужаснуло посещение лагеря для советских военнопленных, нечеловеческое обращение с которыми он расценил как ошибку с точки зрения пропаганды, внешней политики и поддержания дисциплины в войсках (с. 196–197). В ходе отступления Хейнрици выступал против уничтожения оставляемых вермахтом населённых пунктов в рамках стратегии «выжженной земли». Однако мотивировал он это не заботой о населении, а необходимостью расквартирования отступающих частей. Военным преступлениям вермахта Хейнрици противопоставлял бесчинства «озверелых большевиков», приводя в качестве доказательств расстрел польских офицеров в Катынском лесу (с. 288–289), а также пытки и убийства раненных немецких солдат (с. 65).

²⁰ Помимо войны в записках отражён частный мир автора: отношения с супругой (зачастую довольно прохладные), забота о детях, попытки сохранить собственность в Германии. Мысли Хейнрици иногда целиком поглощены домом. Война неумолимо вторгается в его личное пространство и семейный быт, разрушает его спокойное и стабильное существование.

²¹ Закономерно возникает вопрос: какие мотивы двигали автором, приложившим много сил для столь подробных записей в условиях напряжённых боёв? Ответ очевиден: они должны были стать основной для воспоминаний о войне, своеобразным итогом профессиональной карьеры военного. Именно поэтому генерал просил жену складывать их в отдельную папку и тщательно хранить (с. 128). С психологической точки зрения ведение дневника также являлось способом выговориться, снять накопившееся психическое напряжение, осмыслить и рационализировать происходящие события. В своём последнем письме жене от 5 мая 1945 г. Хейнрици писал о «страшных угрызениях совести» и «жестоком и ужасном Божьем суде» (с. 321).

²² В целом рецензируемая книга представляет собой масштабную документальную хронику о характере и целях войны Германии против Советского Союза. Это ещё один весомый аргумент против легенды о «чистом вермахте», который якобы не был причастен к военным преступлениям. Записки Хейнрици отражают сложность и противоречивость военной действительности, психологию и поведение немецкого генералитета и вполне вписываются в современную тенденцию к антропологизации истории Второй мировой войны.

Notes on the war of annihilation. Eastern front of 1941–1942 in the memoirs of General Heinrici

Alexander Kuzminykh

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia
Russian Federation, Vologda*

Abstract

Keywords:

Date of publication: 24.06.2020

Citation link:

Kuzminykh A. Notes on the war of annihilation. Eastern front of 1941–1942 in the memoirs of General Heinrici // Rossiiskaia istoriia. – 2020. – Issue 3 С. 198-202 .
URL: <https://russian-history.ru/s086956870010157-3-1/>. DOI:
10.31857/S086956870010157-3

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 26.04.2023; URL - <http://russian-history.ru/s086956870010157-3-1/> Все права защищены.